

ТЕАТР

„ЭЛЕКТРА“

(ГАСТРОЛИ ПИРЕЙСКОГО ТЕАТРА В ТБИЛИСИ)

ВЧЕРА ПИРЕЙСКИИ ТЕАТР показал свой второй спектакль — «Электру» Софокла — трагедию, предоставляющую исключительные возможности для полного раскрытия поразительно дарования Аспасии Папата-нассиу! Вчера греческая актриса вновь потрясла и очаровала нашего зрителя. Кроме того, вчерашний спектакль, по моему, показал, что Папата-нассиу — актриса скорее софокловского плана, чем еврипидовского, что монументальный, цельный, благородный образ героини Софокла ближе ее дарованию, чем игра страстей, патетика и психологическая раздробленность трагедии Еврипида.

«Электра» поставлена Димитриосом Рондирисом в основном в том же ключе, по тому же принципу, что и «Медея» — это принцип сохранения, по мере возможности, античной формы, античных правил исполнения трагедии.

Однако Рондирис, конечно, не ставит цели реставрации античного театра. Тем, кто думает, что им вчера удалось увидеть античный спектакль, следует напомнить об особенностях античного театра, о том, что в древнегреческом театре актеры играли в масках, что все роли трагедии распределялись лишь между тремя, а то и двумя актерами, что все роли — мужские и женские — исполнялись только мужчинами. Иным было и соотношение между декламационными и музыкальными частями трагедии — древнегреческая трагедия представляла собой синтетический жанр, родственный как нашей драме, так и опере, и в наиболее эмоциональных моментах спектакля не только хор, но и актеры исполняли свои партии вокально. Да и язык, на котором играют «Электру» в Пирейском театре, во многом отличается от

языка Софокла. Трагедия идет в переводе на новогреческий язык (даже имя героини звучит иначе — Илектра). Вчерашний спектакль как бы собрал в себе воедино все эпохи греческой истории, всю многовековую греческую цивилизацию — это и миф крито-микенской эпохи, описавший события начала XI в. до н. э., это и потрясающая трагедия, созданная на основе мифа в классической эпохе — в V в. до н. э., наконец, это театральная и музыкальная культура новой Греции, талантливая игра греческих актеров, создавших яркий, интересный спектакль.

Отказываясь от тех античных форм, которые мешали бы современному зрителю в восприятии человеческих страстей героев, живого слова трагедии, Рондирис, с другой стороны, очень осторожно, в минимальной степени пользуется приемами и техническими средствами современного театра — и в построении мизансцен, и в декоративном оформлении, и в использовании световых эффектов и т. д. Мне кажется, что при сравнении спектаклей Пирейского театра с постановкой античных трагедий в наших театрах, нужно непременно

иметь в виду отличие режиссерской концепции Рондириса от принципа наших постановок — принципа более широкого, свободного использования средств современного театра.

Можно, конечно, спорить о том, насколько целесообразно ограничивать себя одними античными формами, допуская отказ от других. Однако сейчас, под сильным впечатлением от

это не львиные зорста микенского дворца Атридов, это, главным образом, трагедия греческой девушки, которая жила, страдала, боролась на этой каменистой, выжженной солнцем земле много веков тому назад.

Многих иностранцев, попавших в Грецию, несколько разочаровывает каменистый греческий пейзаж, на первый взгляд, монотонный и однообразный.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Электра». В роли Электры А. Папата-нассиу (в центре).

Фото С. Оялова.

греческого спектакля, хочется не спорить, а сказать о главном в этом впечатлении. Главное, что, по нашему мнению, особо отличает греков в их подходе к античной драматургии, — это то, что для них в греческой античности нет никакой экзотики. Для грека «Электра» —

Его обаяние постигается постепенно: строгая красота, не любящая резких контрастов, мягкие переходы линий и цветов, красота, которая вырабатывалась у греков эстетический принцип умеренности.

Об этом извечном эстетическом принципе греческого ис-

кусства — принципе строгой, монументальной, внешне простой, но внутренне исключительно глубокой и насыщенной красоты — вспоминаешь, смотря спектакль греческого театра, игру Аспасии Папата-нассиу.

В «Электре» Софокла нет увлекательных и захватывающих перипетий. Основное содержание трагедии — это переживания героини. Художественная сила трагедии — в ее образных, динамических диалогах и монологах. И хотя большинство зрителей не понимает языка, острый, метафорический текст Софокла до него не доходит, но огромная эмоциональная сила и правда в игре Папата-нассиу всецело овладевает вниманием зрителя.

Папата-нассиу — это темперамент и глубина. Но актриса умеет мастерски владеть своим темпераментом, и сила ее внутреннего горения, глубина ее психологического переживания открываются зрителю постепенно. Когда Электра слышит о гибели Ореста и вырвавшийся из ее груди крик отчаяния потрясает зрительный зал, кажется, что это кульминация, что это максимум эмоционального накала, но затем в сцене с погребальной урной, в сцене узнавания брата актриса вдруг приоткрывает новую грань своей души, находит неожиданный психологический нюанс.

Хор «Электры» задуман и решен Рондирисом и замечательным хореографом Лукией как аккомпанемент, словучный переживаниям героини, как аккорд к главной теме — теме Электры. Хор чутко реагирует на каждый нюанс переживания героини — то вздохом, то поворотом головы, то песней,

сопровождаемой пластическими телодвижениями. Хочется отметить необычайно естественные и плавные переходы от декламации к речитативу, от речитатива к песню. Впечатляет декламация на фоне барабанной дробы, придающей партии хора тревожный оттенок.

В игре всех участников спектакля чувствуется большой внутренний такт, традиционное греческое чувство меры. Особо хочется отметить яркий образ надменной, властной Клитемнестры, созданный Т. Никифоракис. Увлекает искренняя игра Е. Риги (Хрисофемида), И. Хаджискоса (Орест), А. Ксенакиса (Наставник).

... Два года тому назад мне довелось смотреть греческую трагедию на античной сцене, на склонах афинского Акрополя, С освещенного лунным светом амфитеатра зрители, в основном иностранные туристы, также не понимающие греческого языка, затан дыхание, как зачарованные, следили за страстями Эдипа, а потом долго не покидали амфитеатра, вновь и вновь вызвали греческих актеров.

Тогда мне казалось, что необычный энтузиазм зрителей, исключительный успех спектакля во многом зависел от особого опущения античной атмосферы, близости Парфевона. Но не менее бурный восторг, который вызывают гастроли греческого театра на обычной, привычной нам сцене Тбилисского театра оперы и балета, глубокое волнение, которое мы испытываем на спектаклях Пирейского театра, убеждает в том, что главная впечатляющая сила греческой трагедии — в ее глубоком человеческом пафосе, в ее сильном, вечно живом слове, в преемственности традиций греческой культуры.

А. АЛЕКСИДЗЕ,
член кафедры классической филологии Тбилисского государственного университета.